

Альфа Большой Медведицы

Автор:

Владислав Крапивин

Альфа Большой Медведицы

Владислав Петрович Крапивин

Несколько зарисовок из жизни пионеров. Истории о таких неизменных ценностях как дружба, ответственность, честность. Читатель с головой окунается в яркую и пронизанную романтизмом жизнь подростков минувших дней. История трубача Генки, рассказ о завсегдатае путешествий под парусами Сережке... Все они сливаются в единый яркий калейдоскоп повествования, полного ощущения насыщенной мальчишеской жизни.

Владислав Крапивин

Альфа Большой Медведицы

СИГНАЛ ГОРНИСТА

1

Шёл отряд.

Сухо и рассыпчато стучали два барабана. Знамя хлопало на ветру – красное знамя с костром, серпом и молотом.

Раз-два, левой! Топали ноги по травам переулков, по гранитной мостовой Екатерининского спуска, по дощатым шатким мостикам через ручьи и канавы. Кто в стареньких ботинках, кто в самодельных тапочках, а кто и просто босиком. Не привыкать!

Шагал отряд мимо деревянных заборов, мимо церкви на площади, мимо кирпичных лабазов и покосившихся бревенчатых домов.

Гурьбой бежали по обочинам чумазые босые ребяташки, помахал рукой парень в богатырке с голубой кавалерийской звездой. Краснорожий бородатый мироед, придерживав у перекрестка подводу, с размаху перекрестился, будто воздух саблей рубил, плюнул и трахнул кулаком по лошадиному крупу. Ну, плюйся, плюйся. Доплюёшься! Теперь тебе не прежние времена.

Шёл отряд, и не уставали барабанщики. Шагали ребята по центральным улицам, по заросшим проулкам окраинной слободы, по лесной дороге, по песчаному берегу озера. День был хороший: облака – будто желтые горы, небо – синее, как море, а озеро – как небо.

У перевернутой самодельной лодки возились двое деревенских пареньков. Услышали барабанщиков, подняли головы, засмотрелись на знамя, на незнакомых мальчишек в белых рубашках и штанах до колен, с красными платками на шеях, с мотками веревок и топориками у поясов.

– С городу. Пионеры называются. Батя сказывал, целый месяц будут в лесу жить.

– А тебе-то чего? Пускай живут, нам не мешают. Ты конопать давай, дело не бросай.

– Я ничо, так. Афанасий Петрович говорит, нехристи они и совести не знают.

– А сам-то он знает? Семь шкур с соседней дерёт.

– Дак я и говорю. Эй, ребята, далеко идёте-то?

– На Гамаюн!

- Хорошее место! В гости приплывём!

- Давайте!

Это Генка крикнул «давайте», Тот, что в третьей шеренге слева. Конечно, не следует кричать в строю, но ведь и не ответить нельзя: нехорошо получится. Да и трудно удержаться, не крикнуть, потому что на душе очень радостно: брызжет солнце, ярко синееет вода, стройно шагают товарищи. Неутомимые барабанщики Петька Бубенчиков и Саня Черноскатов то попеременно, то вместе бьют весёлый походный марш. А за синим лесом, в конце дороги, ждёт мальчишек заваленный гранитными валунами, заросший полуостров с дремучим сказочным названием - Гамаюн.

К лагерю пришли, когда солнце уже садилось за сизый лесистый хребет на том берегу. Зарозовели облака, вода стала золотистой, и мелко поблёскивал слюдяными чешуйками гранит валунов. Среди камней в траве раскидано было отрядное имущество: его дежурные привезли на подводе и на шлюпке. Лежали свёрнутые палатки, стояли корзины с картошкой, вёдра. Поблёскивали штыки на составленных в пирамиду винтовках. А еще одна винтовка - в руках у часового.

Хоть и устали ребята, а отдыхать некогда - ночь на носу.

- За дело, друзья!

Десять человек - ставить палатки, двое - за водой, пятеро - чистить картошку. Остальные - за дровами, за ветками для постелей, костровую площадку готовить и мачту для флага.

И часовой к знамени!

Генка и Саня Черноскатов вместе таскали хворост. Наберут по охапке - и к костру. Саня наконец выдохся:

- Хватит уже. Дров-то на целую неделю нанесли.

А Генка ничуть не устал. Хоть всю ночь работать готов. Жаль, никакого дела не осталось: палатки стоят ровным квадратом, мачта на месте, огонь трещит, в

ведрах булькает картофельная похлёбка. Вот и кончился день, похожий на солнечную карусель. Голубые звёзды проклюнулись в светлом небе. Звенят комары, кусаются помаленьку, но ничего.

– Ребята! Ужинать и спать!

А спать совсем не хочется. Посидеть бы ещё у костра. Или у воды постоять, поглядеть, как мерцают в десяти верстах огоньки города. Где-то там, в домике у городского пруда, мамка, Бориска, Лида. Бориска чуть не ревел, просился с отрядом, да нельзя: мал ещё.

– Гена, а ты и не устал вроде.

Генка вздрогнул. Это старший вожатый Юра Боровикин подошёл.

– Нет, Юра, не устал. Я ещё хоть что могу делать.

– А часовым быть?

– Да хоть всю ночь!

– Всю ночь не надо. Я тебе через два часа смену пришлю. А сейчас даже не знал, кого поставить. Все уморились, ты один такой боевой. Винтовку возьми.

– С патронами?

– Ну, а как же! Дело нешуточное.

У Генки под сердцем прошёл холодок. Дело и впрямь серьёзное. Время такое беспокойное, в сёлах народ всякий, оглядка нужна. На прошлой неделе в уполномоченного окружка комсомола два раза стреляли из обреза, когда ехал через лес на лошади. Но ведь недаром у Генки патроны. Юра высыпал их ему в ладонь – тёплые, тяжёлые, остроконечные.

Генка отвёл в сторону ствол со штыком, оттянул затвор старой трехлинейки, вложил патроны в магазин. Верхний патрон придержал, чтобы тот раньше срока не ускочил в ствол.

– Ну, парень ты надёжный, правила знаешь, – сказал Юра.

– Ага. Сперва: «Стой! Кто идёт?» Потом: «Стой, стрелять буду!» Потом, ежели что, в воздух трахну. Ну, а если уж...

– Всё правильно.

Генка обходил палатки по квадрату. Сосны и кусты тёмным облаком обложили лагерь с трёх сторон, а с четвёртой светилась кое-где меж стволов озёрная вода. Звёзды мигали. И тишина была. Слышно, как ребята дышат в палатках.

Генка прислушивался. Трава под ногами шелестит. А иногда кто-то завопит, зашумит в дальних кустах. Может, ветер проснулся, а может... Генка снял с плеча и взял на руку винтовку. Пять патронов в магазине, будто пять пальцев ладони, сжатой для салюта. Стоит передернуть затвор, и... Пусть сунутся! Генка не вздрогнет, не отступит даже полшага. Потому что он отвечает за лагерь, за товарищей, за знамя.

Но пока всё спокойно. И ветер опять затих. Даже комары уgomонились. Тихо, тепло. И сильно пахнут листья и травы. Так же, как в то лето, год назад.

Генке вспомнился июльский вечер...

2

Травы пахли соками, росой и медом. Солнце ушло за березняк на том конце луга. Генка нехотя поднялся с пенька, сунул за пояс книжку, взял с земли кнут. Он устал сегодня, бегая за коровами, и лишь под вечер, когда стадо притомилось, посидел немного с книжкой. А теперь вот пора гнать коров в деревню.

Пасти стадо – непривычное занятие для городского мальчишки. Рогатая скотина не очень-то его слушается. Ну какой пастух из паренька, которому недавно лишь двенадцать стукнуло? Только Генка не жалуется. Быть пастухом лучше, чем батрачить за одни харчи у свихнувшегося от жадности «хозяина» Петра

Макарыча Малопудова.

К Малопудову Генку устроил дядя Федор, знакомый отца. Когда отец помер, мамка работать пошла, а дядя Федор её уговаривал:

– Отдай мальчонку в деревню, у меня там свояк есть, крепкий хозяин. Будет Генка под присмотром, делом займётся. Глядишь, к осени мешок муки заработает.

У матери, кроме Генки, маленькие Лидка да Борис. Попробуй прокорми. Время-то тяжёлое. Поглядела мать на Генку, вздохнула, спросила:

– Ты сам-то, Гена, как думаешь?

– А чего... – сказал Генка. – Если мешок муки, то конечно...

Свояк дяди Федора и впрямь был «крепкий хозяин». Проще говоря, кулак. Генка с утра до темноты ни минуты отдыха не знал: чистил конюшню, корм задавал скотине, навоз вывозил. Свиньям завидовал, потому что те могли спать сколько хочется.

А когда, совсем измочаленный. Генка валился на лавку, костистая рука Малопудова вцеплялась в его плечо.

– Подымайся, ты. Табак за тебя Николай-угодник рубить будет?

Ух как ненавидел Генка его заросшее лицо и гусиные глазки!

Глотая слезы, поднимался он и рубил в деревянном корыте сухие листья самосада. Запах его он до сих пор не выносит. Маленькие окна избы казались красными от позднего летнего заката. В одном из окон чернел ненавистный силуэт хозяина. Генка встряхивал сонной головой и зубы стискивал от злости. Но ведь никому не скажешь про свои обиды, помощи ни у кого не попросишь.

Один раз Генка, разозлившись, так трахнул в корыте железной сечкой, что корыто треснуло.

– Это что ж?! – заголосил Петр Макарыч. – Кормишь его, прорву, жрёт, как лошадь, да ещё добро в щепки переводит!

Замахнулся было, да Генка тоже не промах: отскочил к стене, сечку сжал покрепче, стерпеть не захотел.

– Какое это добро! Насквозь уж прорублено.

Малопудов поостыл. Корыто и в самом деле старое. А мальчишку трогать – себе дороже обойдётся. Вон как глазами-то зыркает: чисто волчонок. К тому же и соседи, чтоб им провалиться, всё больше говорят, что заездил парнишку.

И партийный этот, Завьялов, нехорошо на него, на Малопудова, поглядывает.

– На вышку полезай да новое корыто найди, – проворчал Петр Макарыч. – Там, за вениками, лежит. Лампу возьми. Да не запали там чего.

Вышка – это по-деревенски значит чердак. Взял Генка керосиновую лампу с пузатым стеклом, забрался по приставной лестнице в пыльную темноту чердака. Пахло сухой землей и берёзовыми листьями. Веники, подвешенные к стропилам, словно скребучие лапы, хватали за лицо. Генка долго не мог найти корыто. Потом отыскал его в углу за старым сундуком, окованным ржавыми полосками.

Сундук был старинный, могучий. Интересный. Уж не золото ли прячет в нем Петр Макарыч? Генка поднатужился, поднял крышку. Была в сундуке всякая рухлядь: гнилые голенища от сапог, драный шёлковый абажур, мятый самовар без крана. А ещё была книжка – разлохмаченная, без корочек. И на первой странице картинка: мальчишка в широкополой шляпе, верхом на тонконогом коне, перепоясанный патронташами, поднял к губам сигнальную трубу. А издали мчатся по степи лихие всадники.

Через неделю Семен Завьялов, тот, что из Красной Армии пришёл раненый, Генку окликнул через изгородь и сказал:

– Мы тут с народом порешили, что нечего тебе на Малопудова спину гнуть. Определим тебя в пастухи. Мужиков у нас мало, на это дело с охотой никто не идёт, а тебе в самый раз, если постарайся. Скотины у нас немного,

управишься. До осени походишь за стадом, муки заработаешь – и домой. Чего тебе в деревне делать? Ты человек городской, рабочий... А пока у меня поживёшь.

С тех пор и ходит Генка в пастухах. Кнут на плече, а за поясом книжка. Та, что на чердаке нашлась. Чуть свободная минута выпадет. Генка сразу нос в книгу. Написано там о далёкой стране Трансвааль, где народ дрался за свою свободу против англичан. Страна далёкая, африканская, а дела понятные: вся Россия тоже воюет за свободу, против богатеев, таких, как Малопудов. Да и против этих самых англичан тоже, которые до чужого каравая большие охотники. Семён Завьялов с ними воевал, рассказывал...

Генка уже два раза перечитал книжку, где говорилось про мальчишек из Трансвааля, которые с англичанами дрались. И очень ему нравится картинка на первом листе: всадник-трубач.

Вот бы Генке такую трубу!

Он так замечтался, что даже кулак к губам поднёс. Даже показалось, что губы коснулись холодного металла...

Заиграет труба, и послушное стадо соберётся в путь. Станут гарцевать на мустангах ковбои – пастухи и охотники дикого Запада. (Генка про них ещё раньше читал в книжках Купера и Майн Рида.) А если кто заденет Генку, целая армия бросится на выручку, сотрясая поля топотом подков.

И вот как наяву видит Генка, будто на звук трубы мчатся от тёмного леса по холмам, лугам и перелескам всадники. Их стремительные силуэты чётко рисуются на вечернем небе. Вытянулись по ветру плащи, головы в широкополых сомбреро склонены к лошадиным гривам.

Всадники спешат к Генке. Помощь и дружба! Месть за обиды!

Генка усмехнулся своим воспоминаниям. Поправил на плече винтовочный ремень и зашагал снова.

Всадники и трубачи из дальних стран. Всё это было неплохо, интересно, но Генку они теперь мало волновали. Они были сказкой, а Генка прошлой осенью встретил настоящего трубача.

Это случилось, когда он вернулся домой из деревни. Вернулся не с пустыми руками. Мешок муки, о котором думалось всю весну и лето, он и в самом деле привёз. Свой, заработанный.

Мать счастливо хлопотала у стола, заводила тесто. Говорила, благодарно поглядывая на Генку:

- Учиться теперь пойдёшь. А то без грамоты куда денешься?

В школу вернуться Генка и сам хотел. Да только. Бориска без ботинок, в отцовских сапогах шлёпает, а они как решето.

У Лидки кофта – дыра на дыре. Да и с едой туго, одним мешком муки жив не будешь.

- Успеется с учёбой-то, – небрежно сказал он матери. – Работать пойду.

Друзья отца обещали устроить его в слесарные мастерские при электромеханической фабрике. Правда, дело затягивалось: уж больно мал парнишка. И пока шли разговоры да уговоры, выпали у Генки свободные дни.

Да лучше бы их не было, этих дней-то. Скука. Пришла на Урал слякотная серая осень, и улицы раскисли от грязи. Не хочется и нос высовывать из дома.

А вот малышу Бориске холод и дождь нипочём. Целыми днями он с приятелями пропадал на улице. Ничем не удержишь, хотя и сапоги дырявые. «Ну и пусть бегают, – думал Генка. – Помощи в доме от него всё равно мало. Только вот ноги не застудил бы».

Однажды Бориска заявился домой с военным котелком, а в котелке – до половины – ячневая каша.

– Откуда? – сурово спросил Генка.

– Красноармейцы дали, – сказал Бориска. – И котелок насовсем. Я у них уже два раза бывал. Всегда кормят.

Он блестел глазами и счастливо шмыгал носом. Потом протянул котелок.

– Вы с Лидкой ешьте. Да мамке оставьте. А я сытый.

Не понравилась вся эта история Генке. Но каша была хорошая.

А Борька зачастил к новым знакомым. В трёх кварталах от городского пруда, в длинных каменных казармах, стоял красноармейский пехотный полк. Малыши-то хорошо знали туда дорогу, а Генка ни разу не бывал. Ну, в самом деле, не побежишь же за красноармейской колонной вместе с малыми ребятами, когда полк, щетинясь штыками, проходит по улицам.

Но однажды, когда Бориска пропал чуть ли не на целый день. Генка забеспокоился и пошёл к казармам.

Казармы стояли квадратом, а внутри был вымощенный брусчаткой двор. Во двор надо было пройти через каменную арку. Мимо часового в суконном шлеме с распущенными «ушами». Часовой глянул на Генку и добродушно спросил:

– Ты куда, паренёк? По делу или так?

– Брат у меня там, должно быть. Повадился к вам.

– А-а, Борька-то? Ну иди.

Бориску Генка нашел у подводы, что стояла рядом с конюшней. Бориска «помогал» выпрягать лошадь.

– Болтаешься тут, – хмуро сказал Генка. И неловко обратился к красноармейцам: – Надоел, поди, он вам.

– С чего же он надоел? – возразил усатый высокий красноармеец. – Он тут помогает. А ты, значит, брат? Вот и хорошо. Сейчас работу кончим, ужинать пойдём.

Не смог Генка отказаться. Любопытно было поужинать с военными да и есть хотелось.

Ужинали в низкой комнате за длинными столами при керосиновых лампах. Генка сидел между Бориской и усатым красноармейцем, которого звали дядя Алексей. Усы у дяди Алексея были жёлтые, будто медные, пальцы тоже жёлтые – от табака, наверно. А в глазах прыгали жёлтые точки от лампы.

Генка очистил миску, «спасибо» сказал и спросил:

– Может, вам по правде чего помочь надо? А то из Бориски какой помощник. А я всё могу. Пол вымыть или винтовки почистить.

– Ну, винтовки-то мы сами чистим, – сказал дядя Алексей. – Каждый свою. Доверять другому своё оружие устав не позволяет. А вот если трубу поможешь почистить, спасибо скажу.

И он принёс гнутую сигнальную трубу с узким раструбом. При свете лампы она блестела, как тусклое золото.

У Генки застучало сердце, и он принял трубу на вытянутые руки...

Он скоро научился чистить трубу мазью и шинельной суконкой до горячего блеска. Он выучил на память несколько сигналов: «атака», «отбой», «подъём». С дядей Алексеем они уходили в тупичок за казармы, и трубач-красноармеец негромко наигрывал Генке тревожные мелодии: то быстрые, как атака конницы, то медленные и немного печальные.

Дядя Алексей был трубачом ещё в войну с германцами. А потом воевал с Юденичем, с Колчаком. В одной руке винтовка, в другой солдатский горн.

Сколько раз «атаку» трубил – не счесть. А однажды крепко ранило. Отлежался в лазарете, и перевели его в запасной полк.

Слушал Генка рассказы дяди Алексея и забывал понемногу трубача с книжной картинки. Тот трубач то ли был, то ли не был, неизвестно, а настоящий – рядом. Вот он: шлем с малиновой звездой, красные полосы застежек на шинели, винтовка за плечом. И труба настоящая – тяжёлая, блестящая, звонкая. Генке казалось иногда, что от горна перешёл на дядю Алексея жёлтый золотистый налёт. На усы, на руки осела медная пыль, жёлтыми точками засветилась в глазах.

Много раз Генка тайком подносил к губам холодный мундштук. Хотел сыграть. Ничего не получалось, только хрип вылетал. Один раз заметил это дядя Алексей. Ругать Генку не стал, смеяться – тоже. Объяснять начал:

– Ты не просто дуй, а губы держи твёрдо. И язык к губам прижимай, будто клапан. Воздух им выталкивай. «Атака языка» это называется. Попробуй-ка.

Попробовал Генка – маленько получилось.

Потом стало получаться лучше.

Всякие сигналы показывал дядя Алексей, только один никогда не играл. Насвистит его, напоёт тихонько, а на трубе не играет.

– Если этот сигнал затрубить, тут, Генка, такое дело начнётся...

И всё же пришлось.

Как-то сидели Генка и дядя Алексей в казарменной каптёрке. Тихо было, дождик моросил за окном. И вдруг затопали ноги, зашумели голоса. Молоденький красноармеец забежал в каптёрку, покосился на Генку, что-то на ухо шепнул дяде Алексею. Дядя Алексей встал. Генку взял за плечо.

– Беги-ка, братец, домой. Дело серьезное.

Прихватил трубу и вышел.

И тут же донёсся со двора сигнал. Тот самый – прерывистый и беспокойный.

Не успел Генка домой убежать. Да и не хотел. Выскочил на крыльцо и смотрел с тревогой, как строится в длинные шеренги полк. Штыки да шлемы. Могучая сила, как стена. Вот уже и дяди Алексея не видать: затерялся в рядах. Вышли на середину двора командиры.

– По-олк! Нале-е. во! Шагом марш!

И пошли, ухая подмётками по брусчатке, рота за ротой. Исчезали за широкой каменной аркой. И остались только несколько человек во дворе да часовой.

– Куда они? – спросил Генка у часового.

– Банда объявилась. Беляки недорезанные.

Шёл Генка домой, а в ушах у него всё повторялся тревожный сигнал.

Какая же сила в трубе горниста! Заиграл – и встали железным строем тысячи товарищей. Кто их победит, кто сломит?

4

Полк не вернулся в казармы. На его место пришла другая часть. С пушками и оркестром. Мальчишки бегали туда каждый день. Бориска, восторженно хлопая ресницами и путаясь в словах, рассказывал про большие орудия, сверкающие трубы музыкантов и вороную лошадь командира.

Но Генка больше не ходил в казармы. Всё равно дяди Алексея там не было. Да и времени не стало. Устроили Генку всё-таки в слесарные мастерские.

– Слесарем будешь, рабочим человеком, – говорили Генке отцовы друзья.

Рабочим – это хорошо. Только слова словами, а оказалось всё не так. Делу никто не учит, а только слышишь: «Генка, слетай в цех, мастера кликни!.. Генка, отнеси бумаги в контору. Генка, помоги инструменты прибрать!»

Генка не отказывался, но досада его брала: разве при такой жизни ремеслу научишься? Ну, а с другой стороны, жаловаться как-то неудобно. Никто не обижает, а к делу не пристраивают, потому что жалеют: мал ещё.

Наконец взял его в ученики слесарь Козельский, Степан Казимирович. Высокий, узкогрудый, желтолицый. Кашляет всё время. И не поймёшь: сердитый или добрый. Если Генка неправильно держит напильник, Степан Казимирович ничего не скажет, а молча возьмет и вложит в Генкины руки инструмент как надо. Глядишь, через две минуты у Генки опять всё не так получается. Тут бы Степану Казимировичу хоть слегка рассердиться, а он опять подойдёт и давай снова всё молча показывать. Потом рядом постоит, посмотрит, вот и всё. И кажется Генке, что Козельский недоволен. Один раз Генка не выдержал:

– Вы, Степан Казимирович, будто сердитесь всё время и молчите. Лучше бы уж обругали, что ли.

Степан Казимирович хмыкнул в усы, покашлял и тихо сказал:

– Чего же мне на тебя сердиться, хлопец. Ты – старательный. Беда только, что не туда твоё старание идёт. Я понимаю так, что место твоё в школе, а не здесь.

Это он, Степан Казимирович, наверно, привёл однажды в цех круглолицего веснушчатого парня в полинялой гимнастёрке и с командирской сумкой на плече.

– Здравствуйте, товарищи, – сказал парень и стрельнул весёлыми глазами в Генкину сторону. – Дошли до нас такие слухи, что среди пожилого народа завелось у вас молодое пополнение. Что же вы от нас молодой рабочий класс прячете?

– Вон он, твой молодой класс, – проворчал бородатый слесарь Василий Ефимыч. – Пилку мне поломал, чёртова душа. На две минуты одолжил – и конченное дело.

– Ты, Ефимыч, из-за этой пилки мальчика запилить совсем, – сказал Степан Казимирович.

– Не пилку мне жалко, а то, что у нынешних молодых аккуратности ни на грош.

– Как это «аккуратности ни на грош»? – шутливо рассердился парень. – В этом мы разберёмся. А ну, товарищ Гена, айда на крыльцо, поговорим.

На крыльце он сразу посерьезнел.

– В общем, так. Зовут меня Анатолий, фамилия Суровкин. Я из окружка комсомола. Слышал про комсомол?

Генка даже обиделся:

– Как не слышать! Я же не из дикого леса.

– Ну, а чего же ни разу к нам в клуб не зашёл? Это же недалеко, на Пушкинской.

Генка чуть покраснел:

– Да... Все говорят: мал, мал... Надоело. Думал, не пустят. А что, примете в комсомол, если приду?

Толя засмеялся:

– Ты больно скорый. Приходи, посмотрим. Ты кем в жизни быть собираешься?

Генка знал – кем. Хотел он быть боевым трубачом. Но говорить об этом никому не решался. Стеснялся как-то свою мечту открывать. Вдохнул он, поднял на Толю Суровкина глаза и сказал:

– Красным командиром.

Он не обманул. Ведь трубач – тоже командир. Ведь он зовёт в поход и в атаку, он играет тревогу, если грозят враги.

– Ну что же, – сказал Толя. – Это самое правильное дело. Командиры нам как раз и нужны.

Это удивительное и радостное чувство – быть равным среди равных, своим среди своих! Никто здесь не вспоминал, что Генка меньше всех. Он, как и остальные, бежал работать на железнодорожную станцию, когда объявляли субботник, вместе со всеми сидел над стенгазетой «Красный луч» и, так же как остальные, пел боевые комсомольские песни. И только один раз Генке напомнили, что он маленький, да и то не зря. Когда в лесу учились стрелять из винтовок. Юра Боровикин, секретарь окружка, сказал:

– Приклад прижимай покрепче, да сам пузом к земле прижимайся, а то гляди, отдача сильная, назад уедешь.

Юра Боровикин и Толя Суровкин были друзья. Всегда вместе. И за столом сидели вместе, когда Генку принимали в комсомол. Собрание уже проголосовало, чтобы Генку принять, и бояться вроде было нечего, но Генка всё равно волновался. Вместе с Толей и Юрой был ещё один парень, суровый на вид незнакомый. Его Генка побаивался.

– Это и есть ваш «командир»? – спросил парень.

– Он и есть.

– Маловат вроде.

– Для нового дела в самый раз, – сказал Юра.

– Гена – человек серьёзный, работать умеет, – сказал Толя.

– Кто такие пионеры, знаешь? – спросил незнакомый парень.

Месяца два назад Генка ответил бы, что пионеры – это охотники и путешественники, которые открывали для переселенцев дикий американский Запад. Про это книжка писателя Фенимора Купера есть. Но недаром Генка ходил в комсомольский клуб. Теперь во многом разбирается.

- Пионеры – это юные коммунисты. Есть в Москве такие отряды.

- Есть в Москве. И ещё кое-где есть. А надо, чтобы во всей стране были. Понимаешь?

- Понимаю, – сказал Генка.

- Ну вот. А каждому отряду нужны командиры. Где их взять?

- В Красной Армии?

- Нет, брат. Красноармейские командиры у себя в полках и ротах нужны. А пионерам надо своих, ребячьих. Значит, нам самим их учить надо. Вот и собираем мы сейчас первый пионерский отряд. Командирский. Научатся ребята в нём пионерским делам и будут потом сами командовать отрядами. Ясно?

- Ясно, – сказал Генка.

5

Разные собрались в отряде ребята. Такие же, как Генка и помладше. И постарше были. Незнакомые и знакомые – из тех, что жили неподалёку. Среди знакомых – тоже разные. Хороший приятель Саня Черноскатов и давний недруг Лёнька Голомштейн. С Лёнькой они, когда поменьше были, дрались чуть не каждый день: не нравилась маленькому Генке Лёнькина длинная шинель и гимназическая фуражка блином. Да и потом Генка, когда постарше стал, косо поглядывал на бывшего гимназистика: буржуй какой-то, на скрипке играть учится.

Ну, а если разобраться, то какой Лёнька буржуй? Отец его чуть ли не подмастерьем работал у ювелира Хризанова. Сына всякими правдами и неправдами в гимназию определил. А на скрипке у них дома все играют – это ещё от деда ихнего повелось. Поглядели бывшие враги друг на друга.

- Здравствуй, Гена.

– Здорово, Лёнь...

И засмеялись.

Общее теперь у них дело. У обоих красные галстуки.

Генку выбрали командиром звена: комсомолец и рабочую закалку имеет. Набралось в звене девять человек: Саня Черноскатов, Петька Бубенчиков, Леня Голомштейн, Витёк Панькин, что по соседству с Генкой жил, да еще несколько ребят.

А звеньев в отряде – чуть ли не десяток. Когда выстроились во дворе комсомольского клуба, Генка даже глазам не поверил: «Ух ты, сколько нас!»

А Юра Боровикин, которого назначили вожатым, сказал;

– Нас, товарищи, пока ещё очень мало. Мало, ребята. Посмотрите, сколько ребятшек у нас в городе, сколько на всём Урале. На каждой улице ватага, друзья-приятели. А как они живут, что могут? Ну, в чижа играют да в разбойников. На пруд купаться бегают да из луков по грачам стреляют. А они ведь ребята замечательные. Все они про революцию знают, все за Советскую власть. Есть, конечно, буржуйские да купеческие детки, но про них мы пока не говорим. Про тех речь идёт, у кого отцы на заводах работают, у кого с колчаковцами воевали, нашу республику отстаивали. Разве эти ребята не хотят помочь Советской власти?

– Хотят! – выдохнул строй.

– Хотят, да толком не знают как. Потому что беганьем по улицам да игрушками революции не поможешь. Нужны красные отряды пролетарских ребят. Чтобы вместе со старшими наше боевое дело отстаивали. Ясно?

– Ясно!

– Вы сейчас – один отряд. А потом каждый из вас станет вожатым. И будет не один отряд, а сотня. Сотня только в нашем городе. А по стране зашагают тысячи и тысячи отрядов.

Ничего особенного не было в тот день, но запомнился Генке залитый мартовским солнцем двор, тополя с грачами и летящие тени облаков. И ребята, стоявшие тесным, еще неровным строем. Без формы, без знамени, без барабанов.

Потом появилась и форма, и знамя вручили в окружке. И два маленьких военных барабана принёс откуда-то Юра. Санька Черноскатов и Петька Бубенчиков вмиг напросились в барабанщики. Генка так не умел вперёд всех вылезать. Да и не хотелось ему барабанщиком быть. Вот если бы трубачом.

Дел в отряде было выше головы. Неграмотных рабочих с лесопилки надо грамоте научить. Газету надо к пасхе выпустить против попов. Представление про революцию для окрестных ребятешек устроить – тоже важное дело. Строем ходить надо научиться так, чтобы все завидовали, чтобы всем захотелось в пионеры. А когда все на субботник идут, отставать ведь тоже не годится.

С фабрики Генка ушёл. Юра Боровикин ему сказал:

– С осени в школу пойдёшь. А пока сам за книжками посиди. До лета. А летом, брат, будет одно дело.

Летом окружком решил организовать для отряда лагерь – походную школу будущих пионерских командиров. Достали несколько старых палаток, два котла, чтобы в лесу обеды варить. Старую шлюпку где-то для ребят раздобыли комсомольцы. Мальчишкам уже снились синие вечера у озера и жаркие костры...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/krapivin_vladislav/al-fa-bol-shoy-medvedicy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)